

Узун Ю.В.

*кандидат политических наук,
доцент кафедры истории и мировой политики
Института социальных наук*

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

ПРАКТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ИНДИКАТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА И РАЗВИТОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена феномену мультикультурализма как фактора общественно-политических процессов. Исследуется современный кризис практики поликультурности как геополитической стратегии держав. Анализируется реакция социально-политических систем на инокультурное вмешательство.

Ключевые слова: мультикультурализм, интеграция, кризис, геополитика, государство, гражданское общество.

Пропаганду и реализацию идеи мультикультурализма могут позволить себе те государства, которые имеют активную внешнеполитическую позицию, статус субъекта геополитических отношений.

Геополитический субъект предпочитает проводить контактную миграционную политику, провоцировать максимальную миграционную активность, которая имеет неокOLONIAльное содержание; использует политические меры по содействию демографическому отбору; использует лотерейный отбор «качественных мигрантов»; демонстрирует высокий уровень конкурентоспособности по привлечению мигрантов. Государство — геополитический субъект открыто миру и само открывает мир, «втягивая» мир в круг своей культуры, но тем самым изменяя собственные онтологические координаты, поддерживая свою гибкость и обуславливая стабильность цивилизационных ответов на чужеродные влияния. Геополитический субъект демонстрирует привлекательность собственной прозелитической идеи, значимость её надэтнического, общегражданского влияния, силу интеграционного потенциала (единство во множестве).

Ослабление традиционных геополитических игроков Европы демонстрирует усиление тенденции к «запиранию на ключ», к введению жесткого режима границ, к жесткой визовой политике, к консервированию традиции. Такое поведение сигнализирует ощущение слабости собственного интегрирующего потенциала, неспособность противостоять инокультурным влияниям.

Европейские государства, тревожно ожидающие социального кризиса вследствие переживаемого кризиса демографического, теоретически предположив свою готовность к культурной толерантности, допустили опыт введения «политики мультикультурализма». В итоге, исламские движения, противостоящие укоренению на контролируемой ими территории «западных ценностей» и борющиеся с вестернизацией, под лозунгами теории и практики «мультикультурализма» распространили на Западе «ценности исламского мира», в том числе в замкнутых этно-конфессиональных анклавах, растущих в странах Евросоюза. Результатом стали «парижская интифада», датский «карикатурный скандал», убийства «антиисламских» общественных деятелей в Нидерландах. Носители исламской идентичности с успехом пользуются и антиглобалистскими лозунгами, и идеями правозащитных международных организаций для реализации своих стратегических целей, к сожалению не таких однозначных (с точки зрения сугубо культурного, а не геостратегического их происхождения).

Мультикультурализм — идея признания культурного многообразия — сегодня переживает переоценку. Ведь государства, по-прежнему отвечают за обеспечение социальных стандартов, прежде всего за стабильность и гражданское согласие. Если во второй половине XX ст. идея мультикультурализма сопровождала процесс «встраивания» государств в интеграционные образования и дополняла теорию растущей глобализации, распада национальных систем вследствие формирования глобальной системы разделения труда и мирохозяйства, то в начале XXI ст. идея мультикультурализма, продолжая присутствовать в политической риторике теряет сторонников в среде политических практиков, особенно среди европейских государственных лидеров. Достаточно вспомнить высказывания Н. Саркози, А. Меркель, Д. Кэмерона о том, что мультикультурализм исчерпал себя. Кому, как ни лидерам именно Франции, Германии, Великобритании время задуматься над проблемой общегражданского согласия — наличия

коллективной идентичности — комплекса представлений, образующих солидарную мотивацию поведения граждан-жителей их государств.

Но идея мультикультурализма теряет сторонников и в среде местного населения Швейцарии, Дании, Австрии, Бельгии, Нидерландов, Италии, где наблюдается подъем консервативных политических движений, а риторика по сосуществованию культур сменяется призывами к «жесткой интеграции» мигрантов в европейское сообщество на условиях компромисса: с соблюдением их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями принимающих государств.

История демонстрирует варианты реагирования социально-политических систем на инокультурные вмешательства: 1) изоляционизм; 2) ассимиляторство; 3) мягкий мультикультурализм; 4) жесткий мультикультурализм; 5) апартеид.

Так, *изоляционизм* — политика, прекращающая или значительно ограничивающая доступ в страну любым «инородцам», «иноверцам», «чужим». Цель её — сохранение суверенитета, культурного единства, цивилизационной оригинальности, что может быть связано с идеей патриотизма или со стремлением некоторых слоев защитить или сохранить свои традиционные преимущества и привилегии.

Историческим примером самоизоляции является Япония периода «сакоку», политики, проводившейся с 1641 по 1853 гг. сёгунами из рода Токугава, запретившими прямые контакты с иностранцами, ввоз иностранной литературы, въезд и выезд в страну.

Кроме Японии, политики изоляционизма придерживалась Австралия, которая в 1901 г. приняла Закон об иммиграции, выражавший политику «Австралии для белых». Иммигранты должны были относиться к белой расе и британской культуре. Въезд представителей других рас, культур ограничивался до 1970-х гг.

Изоляционизма придерживается ряд азиатских стран — современная Корея, ряд мусульманских стран, традиции которых тщательно «охраняются» государством, для чего проводится политика ограничения форм «общения» с немусульманским населением. Так, миграционная политика Саудовской Аравии получила название «политика нулевой натурализации и нулевой интеграции», что означает фактическую невозможность получения гражданства и гражданских прав мигрантами, при поощрении государством миграции трудовой на условиях контракта. А значит и проблем с сохранением прав носителей другой культуры не возникает. Иностранцы, работающие на условиях

контракта, фактически проживают в «компаундах» (герметично изолированных «смесях»). Аналогична политика Ливии, Бахрейна, и ряда др. стран. Например, в государственной программе «Новая национальная стратегия Бахрейна» поощряется суннитская трудовая миграция, экономические льготы суннитам и ограничение экономических возможностей шиитов. Изолирование шиитского «неправящего большинства» (75% населения) демонстрирует особый подход к культурному многообразию. Мусульманские правительства препятствуют появлению в стране значительного немусульманского меньшинства или меньшинства другого исламского направления, т.к. это может сократить число их сторонников. Но важнейшей причиной изоляционистской политики является страх перед изменением культурной составляющей общества.

Но если изоляционизм стран Востока принимается как «привычная» форма политики, то изоляционизм европейских государств воспринимается как слабость, страх перед социокультурным сломом. Европейские государства, поддерживавшие идею интеграции, ликвидации суверенитетов во имя защиты общечеловеческих прав оказались перед проблемой сохранения национального целого. Геополитика (интересы Целого) вошла в конфликт с гуманистической идеологией (права человека), а потому возникла необходимость манипулирования потоками и объемами социокультурных влияний. Так, элементы политики изоляционизма во Францию привнес принятый там в 1993 г. Закон Шарля Паскуа, направленный на лишение иностранцев права на постоянное пребывание во Франции — на достижение «нулевой иммиграции» [1]. Эта политика нашла более мягкое продолжение в законах 1998 г. Элизабет Гигу о гражданстве и Жан-Пьера Шевенмана об иммиграции, которые восстанавливали право на убежище и возможность получения гражданства по «принципу почвы».

Но ограничение приема иностранных рабочих вплоть до закрытия границ — одна из целей популярного сегодня «Национального фронта Франции» и его лидера Жан-Мари Ле Пена, что свидетельствует о росте ксенофобии, о нерешенности проблемы адаптации и интеграции мигрантов. О росте настроений культурного изоляционизма и национал-патриотизма свидетельствует популярность и растущее представительство подобных сил также в парламентах

— Италии (созданная нынешним председателем Совета Министров Италии С. Берлускони коалиция «Вперед, Италия!», объединившая неонацистов, Лигу Севера выступает за жесткие меры в иммиграционной политике),

— Австрії (де ультраправі партії, такі як «Австрійська партія свободи» Йорга Хайдера, «Альянс за майбутнє Австрії», знайшли необхідне число сторонників, щоб бути представленими в ландтагах, парламенту Австрії і навіть в Європарламенті, виступаючи за обмеження прав іммігрантів, що становлять 15% населення країни),

— Нідерландах (де в 2010 г. з 150 місць в парламенті 26 зайняла ультраправа «Партія свободи», виступаюча за обмеження імміграції з Востока, і де популярна партія «Список Піма Фортейна», лідером якої Пім Фортейн і розділивши його погляди режиссер Тео Ван Гог були убиті),

— Бельгії (де партія «Влаамс блок» — нинішня «Влаамс Беланг» («Фламандський інтерес») Філіппа Девінтера, виступаюча за обмеження прав ісламських мігрантів отримала підтримку 27% населення Фландрії),

— в Естонії, Латвії, Україні.

К ідеї культурного різноманіття при політичній ізоляціонізм відносяться як до «Троянському коню» в Європі, а до ідеї терпимості як до «Ахіллесової п'яти Європи» (використовуючи висловлювання згаданого вище Філіппа Девінтера).

Ассимиляторство — одна з альтернатив ізоляціонізму заключається в тому, щоб допускати в країну приїжджих, але при цьому проводити політику їх асиміляції, обмежуючи тим самим масштаби впливу сторонніх на культуру приймаючого суспільства. Цей підхід пов'язаний з культурним впливом на іммігрантів, але він може застосовуватися і в стосунках з корінними народами. Однак, асиміляторство має значні труднощі в зв'язку з тим, що асиміляція — це процес взаємодії двох сторін, одна з яких здійснює тиск, а друга — відчуває його. Шанс на успіх такої політики існує тільки при слабкості консолідації тих, хто піддається тиску або при їх готовності приймати культуру країни перебування.

Держави, які терпимо відносяться до іммігрантів/культурним меншинам, не намагаються нав'язувати їм стандарти культурного більшості, але в той же час вимагають від усіх членів суспільства громадянської інтеграції також можна назвати «асимиляторськими». До них відноситься сучасна Франція, оскільки там допускається етнічне різноманіття, і в той же час громадяни жорстко вимагають дотримання ряду французьких традицій. Достатньо вказати висловлювання Н. Саркозі: «...ніколи Закон, ніяка практика не може бути вище Законів Республіки. Республіка уважає кожного в його винятковості і забезпечує його

рівноправ'ям...» [5, 69]. Уже в 1937 г. Закон Франції «Релігія і школа» категорично забороняв будь-яке вираження політичної і релігійної приналежності в державних освітніх закладах, а прийнятий влітку 2004 г. закон ще раз підтвердив заборону на носіння учнями державних шкіл і ліцеїв ознак релігійних відмінностей. Програма прем'єр-міністра Жан-П'єра Раффарена і міністра соціальних справ Франсуа Фійона, суть якої «підписання угоди з іммігрантом про вивчення мови і культури Франції в обмін на вид на проживання строком на 10 років», говорить про спроби активізації програм інтеграції іммігрантів. Вже 62% французів вважає, що «міцність демократії перевіряється її здатністю інтегрувати іноземців». Термін «інтеграція» все більше розуміється як політично правильне вираження для асиміляції або прагнення держави уникнути етнічної «геттоїзації», тобто дезактуалізації етнічності як варіанту впровадження толерантності в суспільство [4].

М'який мультикультуралізм — це політика найбільшої толерантності, метою якої є співіснування культур з метою їх взаємного проникнення, збагачення і розвитку. Ця політика заснована на принципі «м'якої всеповажаючої сили», визнання права на співіснування протилежних культурних традицій в межах «відкритого» суспільства. Політика м'якого мультикультуралізму не надає пільг або привілеїв ні груп більшості, ні груп меншин. В стосунках з культурними іноземцями або іноземцями немає спеціальної політики інтеграції. Так само як громадянин визнає право на відсутність, так і група визнає право на «включеність» (право на статус «окремий суспільства» як у квебекців Канади). Це політика послідовного плюралізму; політика, «робляча ставку» на несвідомий культурний вибір людини в його соціальному прагненні до включення. Обсяг «включення» до Цілого залишається особистим вибором людини.

Прикладом такої політики можна назвати політику Швеції — держави в якій в 1993 г. населення іноземного походження становило 10%, де сьогодні кожен п'ятий громадянин країни має іноземне походження. Однак, саме фінське меншинство (близько 500 тис.) стало причиною відмови шведського уряду від політики асиміляції на користь мультикультуралізму. Можливість вільно переселятися в Швецію з родинами, гарантована Скандинавським культурним угодою, а також право на отримання освіти давало фіннам основу для отстаювання і інших прав. Після того як

эти права были им гарантированы, того же требовали и другие меньшинства, апеллируя к социальной справедливости. Утверждение мультикультурализма в Швеции в 1975 г. в качестве официальной политической стратегии основывалось на трех принципах: «равенства», «свободы выбора» и «партнерства»: равенство предполагает отношение к иммигрантам на основе тех жизненных стандартов, что определяют государственную политику и в отношении к остальному населению страны; свобода выбора предполагает возможность как сохранять свою культурную идентичность, так и воспринимать шведскую, отдавая предпочтение любой из них; партнерство предполагает, что отношения меньшинств с коренным населением страны строятся на взаимовыгодной основе. Маркером мультикультурализма в политике является отделение Церкви от государства в 2000 г., отсутствие официального языка (шведский занимает доминирующее положение, но никогда не поднимался вопрос о признании его официальным).

В странах, внедряющих политику мультикультурализма (Швеции, Канаде) главными элементами стратегии стали языковая и образовательная программы (билингвизм в Канаде, отсутствие протекционизма общегражданского языка в Швеции, поддержание миноритарных языков с целью вовлечения их носителей в общегражданскую жизнь). Так, в 1976 г. Швеция предоставила право голосовать на местных выборах иностранным гражданам, ввела программы консультаций с представителями этнических групп, а благодаря политике равноправия всех налогоплательщиков (были приняты антидискриминационные законы в сфере трудоустройства) удалось избежать образования компактных районов проживания этнических меньшинств, которые можно обнаружить по всей Европе. Так, мультикультурализм в Швеции это не декларируемая политическая цель, а неизбежная реальность, которая при этом не противостоит идее социальной интеграции.

Несмотря на растущие национал-патриотические и антиисламские настроения, правительство Нидерландов официально признает страну мультикультурной. И, действительно, в Нидерландах сегодня самое большое количество исламских и индуистских школ и их СМИ, содержащихся на госсредства. Старая традиция «создания опор», когда государство поддерживало школы разных конфессий, теперь распространяется также и на представителей ислама, индуизма. Нидерланды провозгласили консociативную форму демократии: меньшинства сохраняют культурную самодостаточность, но принимаемые парламентские решения обязательны для всех.

Именно в Нидерландах отмечают наибольшую толерантность к нетипичному поведению (легализация аборт и проституции в 2000 г., легализация однополых браков в 2001 г., потребление некоторых наркотиков в специально отведенных местах, легализация эвтаназии в 2002 г.).

Жесткий мультикультурализм — идеология и политика признания и поощрения культурного многообразия в качестве единственно правильного политического выбора и механизма функционирования многосоставной государственности. Политика жесткого мультикультурализма это целенаправленное формирование толерантности и многокультурности в обществе (примером может быть политика СССР и лозунг «15 республик — 15 сестер»). Речь идет о развитии позитивной этнической идентичности как основы для аутистической (межэтнической) толерантности. Это политика, при которой внедряется «педагогика толерантности» — обучение культурной отличительности каждого носителя культуры, чтобы вызвать интерес и уважение к «другому». Жесткий мультикультурализм — это активные меры государства направленные на обеспечение представительства культурных групп во власти; политика, направленная на пропагандирование культурного разнообразия как главного богатства страны; политика, поддерживающая культурные меньшинства, но контролирующая степень их влияния на остальных. Т.о. считается, что государство имеет право оценивать «либеральность» культурных групп с целью защиты общегуманитарных ценностей и прав (например, прав женщин) и не может проявлять толерантность к «нелиберальным» культурным группам [3].

К сожалению, политика жесткого мультикультурализма, как правило, оказывается мифологией государства, целью которого является максимальный контроль, втягивание в круг «общеприняемой» (общенациональной, интернациональной, общечеловеческой) культуры. Так, происходит подмена понятий: «мультикультурализм» как «интеграция», и в конечном счете как «позитивная ассимиляция». Так, мультикультуралистская риторика в США вступила в противоречие с политикой «плавильного котла», а понятие «мультикультурализм» с идеями жесткой политики государства, целью которого является защита прав культурных меньшинств, как защита прав граждан США. Тем самым, декларируемая стратегия поликультурности в конечном счете подменяется стратегией отказа от этнической культуры в пользу общенациональной и осуществляется классическая ассимиляторская практика. Именно такая подмена, своеобразная «мифология толерантности» сделала США столь привлекательной для иммигрантов.

Мифология толерантности поддерживает жизнеспособность псевдолиберальных государств, которые одновременно пропагандируют идеи общечеловеческой культуры или отстаивают высокий культурный стандарт национального сообщества, способного толерантно относиться к нетолерантным сообществам. Так, «жесткий мультикультурализм» легко вырождается в противоположный тип — в «ассимилирующую» политику государства, манипулирующего либеральными идеями, осуществляющего этнизацию противоречий.

Но не только государство может манипулировать понятием мультикультурализм. Культурные меньшинства, нередко пользующиеся выгодами «позитивной дискриминации» (введением «заботливым государством» «вынужденных/временных» этнических или расовых квот при приеме в вузы и при занятии определенных престижных должностей, для устранения определенного дисбаланса), усугубляют феномен сегрегации общества. Активизм меньшинств, стилизирующий социальные льготы под культурные различия узурпирует идею мультикультурализма, отягощая последнюю негативными значениями.

«Мягкость» или «жесткость» мультикультурализма зависит от сознательного стратегического выбора государства. Ведь империи, существовавшие до эпохи современности; колониальные и бывшие колониальные общества; «переселенческие (иммиграционные) страны» понимали стратегическое значение политики мультикультурализма как способ актуализации государственности, потому либо принимали мультикультурализм «как объективную реальность», либо «насаждали/пропагандировали», тем самым приближали к «интеграции» на социальных основаниях.

Западная Европа же до недавнего времени была регионом специфического культурного единообразия, а для этнически гомогенных национальных государств мультикультурализм является феноменом, губительным для государственности, т.к. актуализирует этнокультурную фрагментарность. Так, идея мультикультурализма во Франции и в Германии, несмотря на осознание неизбежности превращения в «иммиграционные страны» противостоит идее интеграции, — во Франции на основе «республики — общего дела», в Германии — на основе национальной идеи (несмотря на то, что идея «мультикультурализма» была популяризирована в 1988 гг. «Программой интеграции переселенцев» (программа Колля), которая предполагала отказ от односторонней модели интеграции и внедрение взаимного приспособления и культурного обогащения «принимающих» и «принимаемых», практика властей в

отношении интеграции мигрантов определялась признанием всех иммигрантов «иностранцами» (Auslander) [2, 56].

Апартеид является крайней реакцией на существование культурного многообразия. Апартеид — это политика агрессивной сегрегации, геттотизации и сущностно близка к политике изоляционизма. Примеры такого режима — ЮАР в период правления белого меньшинства или Уганда при Иди Амине, который взяв курс на «угандизацию» и не только ограничил въезд в страну из Азии и Европы, но и выслал из нее представителей азиатского меньшинства (60 тыс. чел.), реквизируя их собственность в пользу государства.

Сегодня о «геттотизации» в Европе говорят в связи с ростом проблем нелегальной миграции и политики скрытого её поощрения. К примеру, страна может привлекать на свою территорию гастарбайтеров, позволяя им жить в рамках общества, но не предоставляя полноценного членства в нем. Примерами здесь может служить отношение к турецкому меньшинству в Германии, к алжирцам во Франции. Так, во Франции 43% населения в 2000 г. заявили, что они «немного» расисты, а «предметом» расистских настроений являются мигранты из Магриба (75%), их второе поколение (55%), «черные» (44%), цыгане (41%).

Реакция общества является индикатором. Она демонстрирует силу государства как геополитического игрока и силу государства, как добровольного союза граждан, осознающих национальную коллективную идентичность. Слабый геополитический потенциал государства, несформулированность общегражданской интеграционной идеи, уязвимая национальная идентичность не адаптированы к признанию поликультурности. А потому, мультикультурализм — это «щит» и «меч» только сильных государств.

Литература

1. Денисенко М. Франция. Организационное устройство миграционной политики / М. Денисенко // Иммиграционная политика в Российской Федерации и в странах Запада. — М., 2003. — С. 256.
2. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный — неуспешный опыт / Лилия Карачурина // Мировая экономика и международные отношения. — 2008 — №7. — С. 50-60.
3. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма / Чандрян Кукатас // Информационные и аналитические материалы сайта InLiberty.ru — совместного проекта Фонда экономических исследований и Atlas и Института Катона — Режим доступа — http://www.inliberty.ru/library/authors/Chandran_Kukathas/
4. Малахов В.С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / В.С. Малахов, В.А. Тишков. — М., 2002. — С. 48-60
5. Стрельцова Я. Франция и проблема интеграции мигрантов / Я. Стрельцова // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — №9. — С. 67-75.

Узун Ю.В. Практика мультикультуралізму як індикатора геополітичної суб'єктності держави і розвинутості громадянського суспільства. — Стаття.

Анотація. Стаття присвячена феномену мультикультуралізму як чинника суспільно-політичних процесів. Досліджується сучасна криза практики полікультурності як геополітичної стратегії держав. Аналізується реакція соціально-політичних систем на інокультурне втручання.

Ключові слова: мультикультуралізм, інтеграція, криза, геополітика, держава, громадянське суспільство.

Uzun Yu. V. Practice of multiculturalism as indicator of geopolitical subjectivity of the State and civil society development. — Article.

Summary. The article is dedicated to the phenomenon of multiculturalism as motive force of social and political processes. It examines the current crisis of policultural practice as geopolitical strategy of the States. It analyses the reaction of social and political systems to the intervention of other cultures.

Key words: multiculturalism, integration, crisis, geopolitics, State, civil society.